

С. Каприо

Перманентная революция (размышления о русской революции)

Апокалипсис в истории. Одним из лозунгов коммунистического движения в XX в. — «коротком веке», изнуренном страшными войнами и потрясениями, — был лозунг «перманентной революции». Он входит в число главных положений учения Маркса и Энгельса, хотя сам термин остался исторически связан с именем Льва Троцкого. На самом деле эта идея, предусматривающая естественное распространение социалистической революции на все страны мира, в русской революции стала применяться по-новому.

Как известно, согласно сценарию «ортодоксального» марксизма пролетарская революция является неизбежным следствием буржуазно-демократического развития общества, порождающего невыносимые для эксплуатируемых масс неравенство и несправедливость. Российский опыт Ленина и Троцкого показал, что буржуазия не в состоянии самостоятельно довести до конца процесс эволюции капитализма, в результате которого были неизбежны спасительные перемены. Троцкий полагал, что русский пролетариат должен был приступить непосредственно к созданию социалистического государства, без буржуазной приостановки, откуда и возникло определение «перманентная». Другое значение этого слова указывает на необходимость постоянно оставаться в состоянии войны с враждебным капиталистическим

Стефано Каприо
профессор русской истории и культуры,
Папский восточный институт (Рим, Италия)

миром, пытаясь принести революционное слово в каждую страну, поддерживая «братские» движения и партии.

Сталинский этап русской революции отчасти опроверг теорию Троцкого, который в конечном счете был убит по приказу советского диктатора. Экономика нэпа, провозглашенная Лениным в 1921 г. и управлявшаяся Сталиным до 1929 г., восстановила переход к «буржуазному развитию» с тем, чтобы поднять разоренную военным коммунизмом страну. Затем последовали годы террора и культа личности, и марксистская наука исчезла почти без следа. Остались, однако, мировая революционная война (в виде холодной войны) и разделение мира на два лагеря — такое мировое устройство сохранялось с послевоенных времен до 1989 г. на протяжении почти 50 лет.

Спустя почти 30 лет после окончания холодной войны «перманентная революция» — всего лишь старый идеологический инструмент, обреченный на забвение. Она должна была привести к зре справедливости и счастья, претворив в жизнь идеал, возведенный в период революционного апокалипсиса. Но падение преград между странами первого, второго и третьего мира привело к триумфу либерального капиталистического противника в новом «глобализированном» мире. Таким образом, пророчество осуществилось — революция, кажется, породила окончательный облик человеческого общества; это позволяет некоторым утверждать, что мы уже достигли «конца истории»¹.

Однако человечество скорее не удовлетворено этим новым раем. Кажущаяся победа либеральной идеологии возвращает к жизни марксистские предсказания: капитализм переживает глубокий кризис, рушатся его святилища (банки, фондовые биржи, финансовые и спекулятивные системы) и политические институты, утратившие авторитет у народов, которые предпочитают кричащих лидеров и эгалитарные обещания. Перманентная революция снова набирает силу, но в форме, совершенно отличной от тех, что имели место в XX в.

Последние десятилетия характеризуются вторжением в нашу жизнь виртуального измерения бытия благодаря технологиям, которые изменили порядок общения, получения знаний и даже труда. Мировой экономический кризис последнего десятилетия еще больше ускорил эту трансформацию; начавшись с краха кредитных финансовых продуктов (когда виртуальные деньги не соответствуют реальным ценностям), на наших глазах происходит эпохальная перестройка систем производства необходимых благ и эксплуатации энергетических ресурсов, которая постепенно вытесняет человеческий трудовой ресурс, заменяя его алгоритмами и механизмами автоматизации. Нарастает неравенство между теми, кто владеет, и теми, кто потребляет, между полами и поколениями, между различными общинами, или человеческими «расами», оседлыми или мигрирующими. В то же время исчезает различие между самими этими расами и полами, между социальными слоями и классами, а средства сообщения делают неважным уровень образования и накопленного опыта. Будущее человечества становится все более неопределенным.

Произошел переход от мира религиозных и идеологических противостояний к миру безразличия к религии и идеалам, в котором религиозные практики усугубляют склонность к фундаментализму (не только исламскому, являющемуся

наиболее сокрушительным, но и связанному со всеми классическими и современными религиозными традициями). Исчезновение значимых систем мысли, духовных и светских, философских и политических, делает крайне непостоянной и неосязаемой любую систему ценностей; законы утрачивают смысл, институты — авторитет, общественные деятели — престиж. Социальное выравнивание не приводит к сплочению, напротив, порождает бесконечные конфликты. Какое будущее нас ждет?

Живя в период подобного радикального перехода, бесполезно пытаться представить себе будущее. Ярким примером здесь могут служить экономические «науки». После по крайней мере трех столетий максимального доверия прогнозам их представителей (от Адама Смита и Маркса до Кейнса и многих других священнослужителей новой светской религии, описывающей и пророчащей будущее целых народов и отдельных людей) сегодня «экономисты» понижены до ранга предсказателей, основывающихся в своих прогнозах на таинствах банкротств и глобализации.

Пятьдесят лет прошло с момента публикации *Голой обезьяны* этолога Дезмонда Морриса², по мнению которого человек отличается от других животных чуть ли не одной лишь его гладкой кожей. И мы снова задаемся вопросом: кем на самом деле является человек, что делает его особенным, даже богоподобным в религиозном откровении? Можно вспомнить об интуитивных догадках Клайва Стейплза Льюиса, написавшего в 1943 г. книгу об «упразднении человека»³. Еще тогда он предполагал, что человек способен путать реальность со своим восприятием, которое может отвечать очень разнообразным и сложным системам ценностей (например, индийское понятие «сатья» или китайское «дао»), чтобы изложить неопределенное течение ежедневных отношений, устанавливаемых между человеком и тем, что его окружает. Льюис анализирует иллюзию «власти человека над природой», отмечая, что в основном она сводится к власти некоторых людей над другими, подчас предшественников над их преемниками.

Это как раз тот период, который мы переживаем, — постмодерн, определяемый всеми по-разному и переходящий теперь в постглобализацию в силу чувства отторжения того идеала мира «без границ» и без ограничений, который получил определение «конца истории», реализованного рая. Мы по ту сторону конца, в «конце конца» истории, и вновь все ставится под сомнение. Молодые поколения чувствуют себя обманутыми предыдущими. Человек сам меняется; согласно Льюису, мы становимся «людьми без груди», неспособными дышать, без души, без сердца, или нас всецело определяет «большое ухо» Ницше⁴, мы превращаемся в людей, согнутых над маленьким экраном, полностью зависящих от анонимного потока информации и изображений, над которым мы не имеем никакого контроля.

Это конец человечества? Это начало нового гуманизма? Биоэтика говорит о «трансгуманизме», постчеловеческом существовании в попытке изменить и «улучшить» физические и когнитивные способности человеческой личности и применить новые технологии к человеку с тем, чтобы исключить нежелательные и ненужные аспекты человеческого состояния — страдание, болезни, старение и даже саму его смертную природу, как утверждает Ник Бостром⁵, знаменосец этой новой вехи прогресса. По его мнению, трансгуманизм — это новая парадигма человеческого

будущего, объединяющая ученых из различных областей (искусственный интеллект, неврология, нанотехнологии и другие исследования в области прикладной биотехнологии), философов и представителей культуры, преследующих одну и ту же цель: изменить, улучшить человеческую природу и продлить жизнь. Это окончательное слияние науки с религией.

Нас ждет новый век изменений, возможно, новых войн и противостояний, что уже происходит во многих странах и выражается в постоянных всплесках радикального исламского терроризма, сопрягающего свои цели с идеей «мировой революции», но не по Марксу, а согласно Корану. Поэтому необходимо продолжать размышления о событиях в России 1917 г., ведь в них, вероятно, скрываются те ответы, которые человечество ищет по сей день.

Уроки забытой революции. Сегодня все меньше исследователей обращается к событиям, произошедшим в Петрограде в 1917 г. И все же в этих событиях немало аналогий с проблемами современности. Стоит упомянуть некоторые из них как повод для размышления.

События первых 20 лет XX в. во многом подготовили почву для революционного поворота. После катастрофической войны с Японией 1904–1905 гг. и первого подавленного восстания — «кровавого воскресенья» 9(22) января 1905 г. — царская монархия была вынуждена начать фазу серьезных реформ: от создания парламентской системы посредством учреждения Государственной Думы до указа о веротерпимости, впервые (и последней в Европе) наделив своих граждан правом на свободу совести. Преобразования, осуществлявшиеся министром Витте в 1905–1906 гг. и главой правительства Столыпиным в 1906–1911 гг., вывели Россию из болота исторической отсталости, за короткое время превратив ее в страну с самой развитой промышленностью в Европе после Великобритании и Германии. Убийство Столыпина 1(14) сентября 1911 г. фактически означало конец реформ и начало решающего революционного кризиса, вызванного непредусмотрительным вступлением России в войну в 1914 г. Другим символическим событием стало убийство Григория Распутина 17(30) декабря 1916 г. Неся в значительной степени ответственность за политический паралич царизма, он был единственным, кто смог бы убедить Николая II выйти из катастрофической войны. Царь не сумел отреагировать на уличные беспорядки 8 марта 1917 г.⁶, в результате чего вспыхнула революционная буря, из-за паралича всех российских институтов приведшая к власти большевиков. Гражданская война между красными и белыми продолжалась до 1921 г., а режим тем временем создал концентрационные лагеря и суды «красного террора». За 20 лет прошла целая эпоха, что не так часто наблюдается в истории человечества.

Эти и многие другие события сопровождались пророчествами и комментариями в различных сферах проявления человеческого духа. Русские создали символистскую и футуристическую поэзию, додекафоническую музыку, абстрактное искусство и супрематизм, экзистенциальную философию и теорию партии-рулевого, богословскую софиологию и неопатристику и даже классический балет и анализ сказок, наряду со многими нюансами и инновациями науки и культуры. Визионеры «космизма» (Федоров, Вернадский, Флоренский, Циолковский) сумели спрогнозировать полеты в космос и Интернет, и не случайно сегодня снова возник

живой интерес к ним. В апокалиптическом исступлении мира, идущего к гибели или возрождению, русские чувствовали себя наделенными задачей построения своего рода ковчега для спасения всех видов человеческого творчества, и на самом деле многие из них в конечном счете оказались втянутыми в водоворот событий новой эпохи.

Сто лет спустя через средства массовой информации в России и во всем мире на социум вновь излился поток печатной и словесной «продукции». Среди различных выраженных позиций выделяются три течения: *оптимисты* считают, что революция не была неизбежна; *пессимисты* утверждают, что она произошла бы в любом случае, даже если события развивались бы по-другому; есть и третья группа, которую мы могли бы назвать *апокалиптиками*, они усматривают в событиях 1917 г. некое пророчество относительно будущего России и всего мира.

По мнению оптимистов, было достаточно того, чтобы царь избежал войны (или выиграл ее) и не отрекся в панике от престола, — тогда все было бы хорошо. В конце концов, Россия в первые годы столетия начала целый ряд политических, экономических и социальных реформ, которые, будучи доведены до конца, обеспечили бы стране светлое будущее. Это мнение некоторым образом укрепляет надежды реформаторов относительно будущего самой России; многие ожидают от президента Путина поворотных реформ после почти двух десятилетий «нового застоя». Эти ожидания также связаны с надеждой на подъем Европы и мировой экономики, находящихся в кризисе с середины двухтысячных годов.

Пессимисты же опираются среди прочего на примеры других стран: в Германии, Италии и Испании не было никакой революции, но там все равно установилась диктатура, и мир погрузился в катастрофу Второй мировой войны. Этот урок, перенесенный в настоящее, говорит нам о том, что нельзя остановить гнев отверженных, страдающих социальных классов, масс, истерзанных эксплуатацией имущих. Следовательно, нас ждут очень темные времена.

Апокалиптическое видение относится прежде всего к религиозным движениям и экстремальным по своему характеру идеологиям, они видят в революции «испытание», «очищение», необходимое для нахождения правильного пути. Управление этим обновлением приписывают Церкви — «обращенной к народу» — и предпочтительно мессианскому появлению «сильного человека», поддерживаемого религиозными идеалами и способного объединить всех людей доброй воли, каким представляется многим (в России и за рубежом) президент России Владимир Путин.

Все эти представления зачастую пропускаются через общественное мнение как в России, так и в других странах, даже в пределах одних и тех же социальных структур и религиозных общин. Московская патриархия, например, постаралась не занимать какую-либо определенную позицию, организовав научную конференцию, состоявшуюся 18 февраля 2017 г. в Храме Христа Спасителя, в работе которой приняли участие различные культурные, общественные деятели и представители самой Церкви. Митрополит Иларион (Алфеев), председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, ограничился лишь фаталистическим сопоставлением революции с другими трагическими событиями русской истории (татарским игом, Смутным временем XVII в., войной с Наполеоном), напомнив

о том, что Церковь пережила все это, оставаясь всегда рядом со своим народом. Гораздо более определенным стало заявление от 10 марта 2017 г. другой части Русской православной церкви, Зарубежной, «царистской», возникшей после революции и сегодня официально вернувшейся в лоно Московского патриархата. Она считает, что восстановление «завещанной Богом» власти в сегодняшней России необходимо для спасения мира.

Позднее, после первых заявлений представителей церковного мира, патриарх Московский Кирилл (Гундяев) лично выступил 29 марта 2017 г., неожиданно сославшись на суждения, высказанные в 1918 г. авторами знаменитого сборника статей *Из глубины*⁷. Главная вина за революцию, заявил глава Русской церкви, лежит на интеллигенции. «Все, что произошло в XX в., эта мясорубка, которая перемолола всю интеллигенцию, не является ли органическим следствием страшных преступлений, которые интеллигенция совершила против веры, против Бога, против своего народа, против своей страны?» — задался вопросом патриарх, выступая на заседании палаты попечителей патриаршей литературной премии. По словам Кирилла, «война исторических аргументов продолжается и сейчас. Общество до сих пор не примирилось в полной мере в том, что касается оценки событий столетней давности. Наверное, трактовки останутся разными, но необходимо сделать все, чтобы их разнообразие не провоцировало новых гражданских конфликтов. Слишком много крови было пролито, слишком большая цена была заплачена за то, чтобы мы могли преодолеть в наших сегодняшних реалиях последствия былой смуты, исключить возможность ее влияния на нашу жизнь... Революция была великим преступлением. И те, кто обманывал народ, кто вводил его в заблуждение, кто провоцировал его на конфликты, преследовали совсем не те цели, которые они открыто декларировали. Была совсем другая повестка дня, о которой люди совсем даже не помышляли». По его словам, те, кто совершил революцию, «пал жертвой последующих репрессий»; в основном революционеры были теми, «кто проливал невинную кровь, кто пытал и мучил». В столетнюю годовщину революции патриарх призвал всех не игнорировать необходимость уделять надлежащее значение этому событию, чтобы не допустить его повторения. «Из этих грозных событий столетней давности мы должны вынести очень важное заключение: мы должны своей добродетелью искупить свои грехи и грехи наших предков. Мы должны построить общество доброе, справедливое, где должны изживать грех из своей личной и общественной жизни... Мы должны видеть скорбь другого человека»⁸, — пришел к заключению глава Русской церкви.

Мощные слова патриарха вызвали неоднозначную реакцию в стране. Многие отметили, что, прежде чем обвинять, церковь должна первой критиковать саму себя и признать свои прошлые грехи. Это касается как позиции царистской «государственной церкви», так и церковных компромиссов с советской властью и самим Сталиным. По мнению консерваторов, вина Синода церкви во время революции заключалась в том, что он, поддержав Временное правительство, не заступился за царя с тем, чтобы предотвратить его отречение. Например, доцент Московского государственного университета, историк Федор Гайда высказался следующим образом: «Но Синод и до, и после, и во время Февральской революции находился в очень сложной ситуации. В эти годы члены Синода и епископат в целом

имели стойкую репутацию ставленников Распутина... или церковной бюрократии, у которой нет духовного авторитета»⁹. По мнению критиков церкви и патриарха, по-прежнему очень распространенных в России, сегодня церковь, вернувшись к роли сторонника государственной власти, скорее пытается «стирать грязное белье», указывая на чужие грехи прошлого.

Впрочем, президент Путин решил не отмечать столетнюю годовщину революции каким-либо официальным актом или церемонией, ограничившись сухим заявлением, сделанным еще 1 декабря 2016 г. перед палатами российского парламента, в ежегодном послании Федеральному Собранию. По этому случаю российский лидер, отчасти предвосхищая призыв патриарха, просит «относиться с уважением к нашей общей истории», цитируя в связи с этим высказывание философа Алексея Лосева. «Недопустимо тащить расколы, злобы обиды прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь. Давайте помнить, мы единый народ, мы один народ и Россия у нас одна!»¹⁰ — заключил он под аплодисменты всех депутатов и сенаторов, и прежде всего партии большинства, как раз носящей название «Единая Россия» и фактически возглавляемой самим Путиным. Впрочем, некоторые представители либеральной оппозиции отметили, что официальная позиция президента и правительства России фактически не позволяет осветить причины тех преступлений, которые начались в 1917 г.; они предпочитают оставлять российское общество в состоянии забвения с тем, чтобы прошлое не ассоциировалось с современным авторитаризмом, «современным большевизмом», о котором заявил лидер либеральной партии Григорий Явлинский¹¹.

Таким образом, не так просто дается память о революции, и даже если внять призыву патриарха Кирилла и президента Путина не продолжать «войну аргументов», широкое и общее размышление на эту тему все же желательно. Впрочем, сегодня вопрос об *интеллигенции* как никогда актуален не только в России; необходимо принимать во внимание глубокий кризис управляющих классов современного общества, да и о «религиозном возрождении» и роли церкви в современном российском обществе можно сказать немало.

Дезертирство царя и конец установлений. Как многие отмечают, Россия рухнула в пропасть революции не в результате необратимого краха ее социальных компонентов или полного провала ее политических и экономических мер. Если революции XVIII в. в Англии, Америке и Франции можно воспринимать как события, связанные с выходом из средневекового мира, с концом аристократических династий перед лицом нового буржуазного и индустриального мира, то разговор о крахе престола Романовых представляется более сложным.

С одной стороны, наблюдаются различные аналогии с предыдущими революциями, в частности с Французской революцией 1789 г. На мысль о пирожных, которые Мария-Антуанетта призывала есть вместо хлеба, наводит гнев женщин 8 марта, просящих хлеба у отсутствующего государя, который в своем дневнике отметил день 23 февраля (8 марта) как ничем не примечательный, рядовой, закончившийся вечерним чаепитием (как и другие дни вплоть до 27 февраля)¹². Породненные с европейскими дворами, русские монархи, в чьих жилах почти не текло русской крови, были очень далеки от народа. Николай II жил в искусственном мире, а его частные интересы были малозначительны, хотя и не столь явно

скандальны как при версальском дворе. Образ «святого царя» связан в основном с его мученической смертью (и смертью его семьи) в Екатеринбурге летом 1918 г.; во всем остальном религиозность последних русских монархов вызывает ряд сомнений (примем во внимание суеверное подчинение Распутину). Одной той жестокости, с которой царь расправился с демонстрантами в «кровавое воскресенье» 9(22) января 1905 г. (восстание, причиной которого послужило отчаяние, вызванное бедственным положением народа), должно было быть достаточно, чтобы воспрепятствовать вознесению на алтари царя, оказавшегося в данной ситуации не на высоте ни с политической, ни с моральной точки зрения. Его отречение от священной роли и отказ от престола в соответствии с самой православной традицией граничат с отступничеством от истинной веры.

С другой стороны, ту же самую ситуацию можно увидеть в ином свете, и тогда революция представляется гораздо более сложным явлением. Неуверенность царя стала очевидна именно в 1905 г., после катастрофической войны с Японией и перед лицом уличных протестов, но это привело к глубоким изменениям, если не в административной структуре (Дума была очень незрелым и неэффективным парламентом, а правительство не имело прочной основы для своей деятельности), то по крайней мере в настроениях общества. Время между революциями 1905 и 1917 гг. — самый обширный период разнообразных дискуссий и социальных, культурных и религиозных предложений за всю русскую историю, тот самый Серебряный век, который оказал влияние на всю современную мировую культуру. В отличие от предшественников XIX в., зажатых между железной цензурой Николая I и анархистско-популистским периодом разброда Александра II, философы и поэты начала XX в. начали открытый публичный пересмотр не только реформ или установлений, но и самой истории и призвания России, ее вклада в возвышение человеческой души.

Впрочем, для русской истории характерно чередование коротких моментов необыкновенной открытости и творчества с длительными политическими и идеологическими застоями. Достаточно вспомнить о времени построения мифа о Москве — Третьем Риме (XV–XVI вв.) или о реформах Петра Великого, не говоря уже о «сказочных сороковых» XIX в., прошедших в дебатах между славянофилами и западниками. Еще один пример — недавние 90-е гг. прошлого века, с их выходом из коммунизма, закончившиеся наступлением длительного периода путинской «стабильности», конца которому до сих пор не видно. Речь идет об историко-географическом факторе, связанном с чередованием долгих зим и коротких оттепелей на территории России. Дело в том, что революция не стала громом среди ясного неба, она не поразила своим внезапным взрывом, а напротив, произошла из-за неизбежной потребности России обрести себя вновь, уничтожив все и начав с нуля.

Ниже мы рассмотрим различные и противоречивые позиции интеллигенции Серебряного века, но сейчас для нас важнее вновь обратиться к вопросу об отречении Николая II от престола. Возвращаясь к цикличности многих русских революций, необходимо отметить, насколько они связаны с разным пониманием принципа власти, или *самодержавия*. Речь идет об одной из составляющих идеологической триады царизма в XIX в., опиравшегося на единство

«самодержавия — православия — народности». Это действенный синтез, но его не так просто интерпретировать. Фигура *царя* восходит к имперским притязаниям России, которые рассматривались как «божественная миссия» после падения Византийской империи и Константинополя (Второго Рима) под натиском Османской империи в 1453 г. Это новая редакция древнего идеала *restauratio imperii*, вдохновившего последнего из римских императоров, Юстиниана, который в VI в., после того как варварские нашествия уничтожили Западную империю, решил восстановить величие Рима. Именно с этого момента мы говорим о «византийской» империи, за которой последовали в IX в. Священная Римская империя Карла Великого и различные западные образования германских Оттонов, католической Франции и Испании и др., включая амбиции папства в первой половине второго тысячелетия. Мы не будем сейчас углубляться в рассмотрение и сопоставление этих великих исторических перспектив.

Русский царизм — одна из подобных вариаций, даже можно сказать «окончательный» вариант: «Третий Рим, четвертому не бывать», — утверждал Филофей Псковский в начале XVI в. На самом деле будут и другие, в самой России и других странах вплоть до современных форм империализма. Наиболее привлекательным кажется именно апокалиптический тон московской теории, которая не ограничивается принятием вызова турецких «агарян», уничтоживших византийцев. Османские султаны не были ни первыми, ни последними, кто представлял собой милленаристскую личину Антихриста, который на протяжении веков обозначался многими религиозными персонажами и средневековыми политиками, от Мухаммеда до Льва Исавра, от Саладина, Чингисхана и Фридриха II до различных пап и антипап, следовавших один за другим на протяжении веков. Русская вариация этой «последней» схватки истории появилась еще до московского «Третьего Рима», когда самой Москвы не существовало, и заключается в самосознании русских от самого их начала в Киевской Руси конца первого тысячелетия.

Ощущение «незавершенности» русских обусловлено особым моментом их появления в истории. Российское государство, основанное князем Владимиром, как передает *Повесть временных лет*, было образовано при Крещении 988 г. на реке Днепр, там, где возвышалась «мать городов русских» — Киев, чье название означает «прохождение Кия», фигуры скорее мифологической. Это место было выбрано с тем, чтобы способствовать развитию южного пути «из варяг в греки», что явилось историко-экономическим фактором рождения нового государства. Но оно также имеет и символическое содержание, отражая сущность Киевской Руси как приграничной территории (У-краина, реально исполняемая функция русской земли) не только между Востоком и Западом, но и между древним и современным мирами.

Русские вошли в христианскую историю, оказавшись перед выбором в условиях раскола между папством и Константинопольским патриархатом, произошедшего в 1054 г., спустя лишь несколько лет после их крещения. В борьбе за власть между Востоком и Западом они оставались ничего не сознающими, пассивными зрителями, которые вошли в жизнь Вселенской церкви в ее самый критический момент, будучи не в состоянии изменить ее судьбу. Они добавились к числу церквей первого тысячелетия, участников католического единства раннего христианства,

но фактически в последующую эпоху разделений христианства они присоединились к воинствующей ортодоксии (*Slavia Orthodoxa*)¹³ в поисках новых определений/смыслов, что объективно явилось источником вечного чувства неполноты русского христианства и его исторической миссии. Что это? Последняя из древних церквей или первая из современных? Наследница первоначального христианства или носительница нового откровения? Историческая двусмысленность добавляется к двусмысленности географической — территория, балансирующая между Европой и Азией, между универсальным и частным, между прошлым и будущим. Россия всегда будет чувствовать себя «третьим элементом» истории, культуры и веры: неожиданным элементом, невыразимым, лишним, но и поразительно творческим и абсолютно необходимым. Не случайно русская вера больше всех других сосредоточится на тайне Святой Троицы.

Не углубляясь в общий культурологический анализ, обратимся вновь к роли монарха в российском сознании. Начиная с князя Владимира, «нового Константина», все великие князья и цари будут демонстрировать особую восприимчивость к своей универсальной и спасительной функции, которая была значительно шире, чем просто задача управления территорией. Россия безгранична, точнее, она пребывает в непрестанном поиске определения собственных границ, будто никогда не довольная ими. Русский царь — это не только «отец нации» или русского народа, но и суверен «Всея Руси» — выражение, которое до сих пор используется в отношении патриарха Московского, церковной фигуры, и соотносится с политикой. За понятием «Всея Руси» стоит не только вопрос территорий, Великой, Малой и Белой Руси или других соседних регионов. Сегодня не случайно говорится о «русском мире», включающем в себя все страны, где живут русские, — это и страны бывшего СССР, и те, куда русские эмигрировали в советское и постсоветское время. Это мир многих культур и религий, различных языков и национальностей, пестрый мир уравновешенных сверхдержав, а не тот глобализованный, где сегодня господствуют американцы, а завтра будут господствовать китайцы. Россия чувствует себя в центре проекта, находящегося на стадии определения, который никогда не будет реализован без нее.

Можем себе представить, с какими чувствами слабый и деликатный царь Николай II, наследник жестоких династий Рюриковичей и Романовых, Ивана Грозного и Петра Великого, наблюдал за крахом своей власти и своей империи. Смешанные чувства неотвратимости, обновления и, возможно, облегчения боролись в его душе, когда в Пскове 2(15) марта 1917 г. он уступил престол своему брату Михаилу, в свою очередь подписавшему отречение на следующий же день, мечтая о будущем Учредительном собрании, которое восстановило бы трон с двуглавым орлом. У Николая не было ни сил, и ни понимания ситуации для того, чтобы поддержать тот идеал, который был утрачен в трагедии Первой мировой войны, положившей конец всем империям, в том числе австрийской и прусской, рассеявшей иллюзию о Священном союзе между победившими Наполеона христианскими монархами. Исчез сам принцип самодержавия, который всеми силами отстаивал его дед Николай I, «жандарм Европы», поддерживавший даже монархов-противников, таких как папа и султан, лишь бы не утратить сакральность власти. Последний царь был также последней обожествленной фигурой

правителя, если не считать далекого бога-императора Японии, в свою очередь уничтоженного Второй мировой войной.

После отречения Николая II на исторической сцене остались лишь современные государства, порожденные Просвещением XVIII в. и пребывающие ныне в общем кризисе идентичности. Власть утратила свое высшее оправдание. В России она была заменена другой формой — идеологической и тоталитарной партией, с религиозной точки зрения — «перевернутой» формой царизма, задуманной новым Антихристом, чья мумия до сих пор покоится, словно современный Тутанхамон, в мавзолее на Красной площади. Царизм исчез, потому что пришел новый царь-коммунист, появилось новое евангелие от Ленина, претворенное позднее в жизнь апостолом Сталиным, попытавшимся, в свою очередь, стать богом.

Мистика большевизма. Мы часто говорим о двух революциях в России 1917 г., о Февральской и Октябрьской. На самом деле события того года нужно рассматривать в развитии, помня о неудавшемся июльском перевороте, провале Корнилова в августе, об окончательной капитуляции Временного правительства из-за его абсолютной неспособности управлять ситуацией. Поэтому финальный захват власти Лениным и Троцким оказался логическим следствием целого ряда связанных между собой явлений политической истории.

Многие историки продолжают работу над репрезентацией прошлого, но в столетнюю годовщину особое внимание следует обратить на их суть. Крушение царизма привело к победе большевизма из-за отсутствия надежных альтернатив. Истинный урок русской революции заключался в бессилии демократии и либеральной идеологии, оказавшейся недостаточной для понимания реальности и лишенной тех моделей, которые можно было бы применить к ситуации. Правительства Львова и Керенского были сформированы из авторитетных и подготовленных людей, среди которых были такие видные деятели, как либерал Милюков и социалист Керенский, до последнего казавшийся истинным протагонистом революции. Как оказалось возможным их полное поражение?

В основе слабости кадетов и социалистов лежал серьезный недостаток: без царя больше не существовало оправдания власти. Революция была выиграна большевиками с анархистскими лозунгами: «Долой самодержавие!» и «Вся власть Советам!», с идеей *анархии* и прямого управления властью, — следовательно, с определением не-власти как подлинной власти. Как показала история, новая коммунистическая власть свершила много чего, но только не передачу власти в руки народа. Анархический нигилизм был заменен мистикой партии, объявленной Лениным в *Апрельских тезисах* и окончательно реализованной Сталиным после смерти «отца-основателя». Российские же демократы никогда не знали, с каким лозунгом мобилизовать толпы, последовавшие за большевистскими «сиренами». Если на Западе демократии рождались в результате длительных конституционных процессов, за которым часто следовали междоусобные кровопролитные войны, русская Гражданская война возникла как следствие отрицания Учредительного собрания, роспуск которого в январе 1918 г. стал истинным началом большевистской фазы революции.

Учредительное собрание — иллюзорная идея процесса, начатого в феврале, — не имело какой-либо точной цели. Оно не искало ни восстановления монархии

в конституционной форме, что позволило англичанам спасти и сохранить свое государство, ни решительного переворота монархического идеала либеральными принципами, как в мистике Французской революции, ни даже основания совершенно нового и динамичного государства, как это случилось в Америке. Оно шло в ничто, которое возобладало, чтобы затем заполниться диктатурой партии. Этот опыт должен навести на определенные мысли перед лицом множества «популизмов», оживающих в условиях кризиса глобализации и призывающих свергнуть законную власть во имя «ничего» или к «народному гневу» против правящей элиты. За громогласными лозунгами всегда скрывается железная воля, которая проявляется после катастрофы.

Сопоставляя, например, диалектику Керенского с пропагандистской эффективностью Ленина, мы явно видим, насколько первая была утонченной и отвлеченной, в то время как у пророка большевизма, по словам филолога Георгия Хазагерова, это была лишь «полемическая хлесткость невысокой цены»¹⁴. Ленин умел свести любого противника до уровня карикатуры, препятствуя таким образом истинному пониманию вовлеченных позиций; вульгарность и упрощение были его главным оружием, приносившим ему победу. Предвестник стиля диких комментариев в веб-сетях в наши дни, ленинский язык ориентировался на настроение народа, понимаемого как настроение улицы. Вслед за большевиками люди стали навязчиво повторять определение «буржуй» в адрес представителей других сил — либералов, социалистов, меньшевиков, в то время как «работниками» были только члены Советов и представители заводов (крестьяне потом будут презрительно называться *кулаками*), хотя работали и банковские служащие, и учителя, и музыканты.

Шедевром дезинформации и популистской пропаганды является, например, поэма *Двенадцать* Александра Блока, который окончательно распространил риторику *товарищей* и «сукина сына» *буржуя*. Рассказ о революции практически в прямом эфире передает и презрение к «попу» — еще более иллюстративной фигуре старого мира, — которого необходимо уничтожить (*Что нынче не веселый / Товарищ поп?.. Брюхом шел вперед / И крестом сияло / Брюхо на народ...*), и язвительное обличение бессилия либералов, хотевших Конституции (*На канате — плакат / «Вся власть Учредительному собранию» / Старушка убивается — плачет, / Никак не поймет, что значит / На что такой плакат, / Такой огромный лоскут? / Сколько бы вышло портянок для ребят, / А всякий — раздет, разут...*). Стихи Блока выражают религиозную и апокалиптическую тревогу революции, революционную контррелигию, являющуюся основой большевистской мистики (*Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста! / Тра-та-та!*), которая заканчивается новым призыванием Христа к своим новым «апостолам» (*Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из роз — / Впереди — Иисус Христос*). Большевики сумели завербовать писателей и поэтов для того, чтобы создать новое политическое оружие — пропаганду. Сатира и мистика, полемика и новая мифология, — в коммунистической пропаганде раскрывается природа новой власти: светское обожествление, демонизация противника, лживость, возведенная в идеологическую систему, абсолютное предубеждение относительно добра и зла, определяемых в зависимости от обстоятельств. Это наследие, оставленное

нам русской революцией. Блок, Белый, Есенин, Маяковский и многие другие, которых мы не будем здесь называть, стали рупором нового дискурса и нового царства божьего.

Разворачивалась грубая пропаганда против культуры и религии, которые систематически преследовались и отвергались на протяжении всего периода советского режима. Интеллигенция была той большой социальной группой, которая потерпела поражение и затем должна была попытаться подняться снова в годы «советского инакомыслия». Сегодня, кажется, она снова исчезла перед лицом новой популистской риторики и религии, характерной для третьего тысячелетия, которая обожествляет уже не партию (она тоже ушла со сцены), а «народ» в раздробленной и виртуальной форме мира информационной революции.

Духовное идолопоклонство и предательство духовенства. Философ Сергей Булгаков в своем диалоге *На пиру Богов* в сборнике *Из Глубины* выступает с резким обвинением в адрес *интеллигенции*, на которое ссылается патриарх Кирилл. По словам Булгакова, «что иное могло получиться, если образованный класс, вот эта самая интеллигенция чуть не поголовно ушла из церкви и первым членом своего символа веры сделала безбожие, вторым — революцию, а третьим — социализм? Церковь незыблема, конечно, во всем, что касается стороны благодатно-божественной, но как сила культурно-историческая она нуждалась и нуждается в просвещенных деятелях, которых так много находит западное христианство»¹⁵. Булгаков восхищался культурной силой католицизма, но здесь великий философ и богослов ссылается на историческое состояние христианской культуры в России, где богословие и церковные науки долгое время были исключены из живых политических дебатов. В XIX в. в результате целого ряда проведенных реформ профессорам и студентам патриарших Духовных академий (в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Казани) запрещалось посещение государственных университетов. Последствия подобной изоляции были многообразными и отнюдь не всегда отрицательными. Академии, как раз в силу режима отделения, которым они были ограничены, могли позволить себе размышления и исследования более открытые и менее обусловленные различными славянофильскими и западническими кругами, подвергавшимися государственной цензуре и сдерживавшимися идеологическим уклоном социально-политических и историко-религиозных полемика.

Первым этот барьер попытался преодолеть Владимир Соловьев, который начал свои исследования, посещая оба круга интеллектуальной формации, как государственный, так и церковный, за что его, к сожалению, очень сильно критиковали. В начале XX в. ученики Соловьева, такие как авторы *Вех* и *Из глубины*, попытались объединить силы официальной и свободной христианской культуры на философско-религиозных семинарах, в которых среди прочих принимали участие и персонажи государственной и церковной иерархии, такие как обер-прокурор Константин Победоносцев, митрополит Антоний (Храповицкий) и Сергей (Страгородский), лучшие богословы официального православия¹⁶. Заслуга этих семинаров заключалась и в том, что они вдохновили предсоборное движение и установление Комиссий по подготовке Собора Русской церкви, состоявшегося в самые драматические годы революции, в 1917–1918 гг.¹⁷ У Собора, открывшегося в период между Февральской и Октябрьской революциями, были большие реформаторские

амбиции (на нем присутствовало больше мирян, чем духовенства), которые, конечно, не сводились к восстановлению патриархата, что фактически оказалось единственным окончательным результатом, обусловленным необходимостью определить авторитетного собеседника нового большевистского режима. Среди протагонистов Собора был и Сергей Булгаков, который возглавлял «социальную» комиссию, пытаясь привнести в реформы свои предложения экономиста и христианского политика.

Чаяния Собора столкнулись с суровой реальностью преследований, и Булгакову не оставалось ничего другого, как осудить ложные догматы «атеизма, революции и социализма», которые доминировали на протяжении всего советского периода. Коммунистическая культурная гегемония была прямым следствием тоталитаризма, что в конечном счете привело к обожевлению власти в годы культа личности Сталина. Символом атеистической религиозности был мавзолей Ленина и Сталина на Красной площади в Москве, в котором по сей день остается мумифицированное тело Ленина. Напрасно с разных сторон, в том числе от представителей патриархии, звучат призывы похоронить мумию и распрощаться с этим символом современного язычества¹⁸. Более того, сам Булгаков предсказал псевдорелигиозный характер новой власти, следствие отклонений интеллигенции: «Оттого ей остается доступно только духовное идолопоклонство, каковым и является всяческое народобожие или народничество. Поэтому интеллигенция до сих пор просто не замечала православия как силы культурной и, в частности, как эстетического начала жизни»¹⁹. Для борьбы с идолопоклонством, говорят в один голос авторы *Из глубины*, необходимо подлинное религиозное возрождение.

На самом деле Россия пережила многие «перерождения», связанные с возвращением к истинной вере. По сути, это сама природа русского христианства, которое с Крещения 988 г. представляет себя как христианский «новый народ», призванный к возрождению веры в языческом мире. В русском самосознании эта миссия явственно проявилась в конце Средневековья, когда после краха Византии к Москве перешла эстафета «Третьего Рима», как отмечает тот же Булгаков, пытаясь переформулировать задачу православного христианства: «Единая соборная апостольская церковь, конечно, пребудет до скончания века. Но адекватно ли ей теперешнее греко-российское православие, это вовсе не так бесспорно. Я же лично полагаю, что мы фактически уже перешли за грань исторического православия, и в истории церкви началась новая эпоха, ну, по меньшей мере, столь же отличная от предыдущей, как, например, доконстантиновская эпоха отличается от ей предшествовавшей. Эта же, константиновская, для Византии закончилась уже в 1453 г., а для всей православной церкви 2 марта 1917 г.»²⁰ Сегодня, после окончания великого гонения, когда Россия снова переживает очень важный этап «религиозного возрождения», озабоченность Булгакова возвращается.

В конце коммунизма, о котором заявил Борис Ельцин на Рождество 1991 г., пали любые ограничения на свободу вероисповедания в России. Еще в 1990 г. были приняты два закона (советский и российский), положившие начало этапу спонтанного и неконтролируемого возвращения к публичному выражению веры. Православная церковь, которую по причине ее компромисса с режимом население не считало заслуживающей особого доверия, была застигнута врасплох. В начале

1990-х гг. активизировались протестантские общины и самые разнообразные религиозные объединения — от так называемых «сект» типа сайентологов до групп, связанных с восточными религиями, и неоязычников. Католическая церковь тоже начала реализовывать план по восстановлению своего присутствия в России, продвигаемый силами иностранных миссионеров (в основном из Польши), назначив в 1991 г. двух епископов-администраторов — Тадеуша Кондрусевича в Москве и Иосифа Верта в Новосибирске. Очень скоро Московский патриархат начал противиться всему этому, считая подобную активность некой формой «вторжения» на его каноническую территорию и вступив также в ожесточенный спор с украинскими греко-католиками, требовавшими возвращения церквей, конфискованных Сталиным. В конечном счете период спонтанного «религиозного возрождения» превратился в процесс «возрождения православного», навязанного сверху, после принятия в 1997 г. нового закона о религиозной свободе, согласно которому православие ставилось выше, чем все остальные конфессии, чьи права были сильно ограничены. Это стало возможным из-за провала прозападной политики Ельцина и появления великого русского патриотизма, который именно в лице Православной церкви обрел главный идеологический ориентир. Таковой стала Россия Путина — новое издание «Третьего Рима», которое мы не будем анализировать здесь подробно.

Как утверждал Валериан Муравьев в сборнике *Из глубины*, «корни древне-русского действия и всего мирозерцания, его обусловившего, — в православии. Внутренняя сущность православия — в его самодовлеющей полноте»²¹. Именно сравнение с западным христианством, которое вновь повторяется в современной России, было одной из наиболее дорогих тем для религиозных философов начала века. Муравьев продолжает: «Католичество — твердая скала, поддерживающая человека извне. Православие — мягкая волна, пронизывающая его и вместе с тем окружающая со всех сторон. Католичество все режет, православие все проникает. Дух православия есть дух всеобъемлющий. Оно не знает разделения и отделения. Разительно отличие этих религий в отношении к элементам, стоящим вне церкви. Католичество их отмечает или, наоборот, завоевывает. Оно исходит из признания их внешними элементами, себе чуждыми, посторонними. Православная церковь их просто не знает. Они для нее не существуют. Она знает только то, что находится в ее ограде. Она судит только тех, кто уже в этой ограде находится. Для православия, в настоящем, наиболее чистом его учении, нет неправославных, ибо есть только те, кто православны»²². Сегодня эти слова снова становятся очень актуальными: «мягкая волна» православия пытается выйти за рамки «русского мира» в стране и за рубежом, приходя на помощь (или в качестве альтернативы) католичество, которое не может более «отметать и завоевывать» своих врагов, а напротив, подчиняется им — по крайней мере по мнению русских.

Антропологическая катастрофа и новые апокалипсисы. Иосиф Покровский в сборнике *Из глубины* написал, используя одну апокалиптическую притчу, заимствованную из истории русской религиозности: «Старинная новгородская легенда рассказывает: когда новгородцы при Владимире Святом сбросили идол Перуна в Волхов, рассерженный бог, доплыв до моста, выкинул на него палку со словами: “Вот вам, новгородцы, от меня на память”. С тех пор новгородцы в урочное

время сходятся с палками на волховском мосту и начинают драться как бешеные. Так мстил низверженный Перун новгородцам: выходило так, что новгородцы, сбросив его, стали управляться в конечном счете палкой... Но ограничилась ли месть Перуна одними только новгородцами? Увы, мы знаем теперь, что нет: злое заклятье легло на весь русский народ и на всю до сих пор его историю»²³. Заклятье сегодня простирается далеко за пределы России, во времена новых религиозных войн, фундаменталистского терроризма и всевозможных антисистемных движений на Востоке и Западе. Социальный и институциональный кризис освещается Аскольдовым в эссе *Религиозный смысл русской революции*, где он пишет, что «динамика народовластия как действительного овладения государственным целым и его жизнью со стороны составляющей это целое множественности есть некоторое специфическое состояние как бы расплавленности всяческих конструкций, характеризующее именно революционные периоды в жизни народов»²⁴. В этом смысле можно сказать, что во втором десятилетии XXI в. Россия вновь оказалась перед перспективами, начертанными еще сто лет назад. Экономический кризис и кризис доверия к институтам, террористические акты и локальные войны, популистские движения и исчезновение идеологий — все это наводит на мысль о том, что весь мир переживает «революционный» период, исхода которому не видно.

Беспокойство о будущем социальных и политических систем порождается духовным и антропологическим кризисом, который авторы *Из глубины* определили на основе внутреннего масштаба русской души («Духи русской революции» Бердяева). Александр Изгоев отмечает: «Века христианства облагородили человеческую натуру. Православие воспитало душу русского человека. И когда теперь большевики сделали свой опыт и показали нам человека без Бога, без религии, без православия, показали его в том состоянии, о котором Достоевский говорил: “если нет Бога, то все позволено”, то весь мир ужаснулся этой, кровожадной, садически-злой обезьяны»²⁵. По словам Струве, «обычное ходячее объяснение той катастрофы, которая именуется и впредь будет, вероятно, именоваться русской революцией (хотя, в известном смысле, право ее на этот все-таки морально значительный титул довольно сомнительно), прежде всего заключается в ссылке на невежество и некультурность народа»²⁶. Некультурность или новый этап культуры — эта дилемма до сих пор сохраняется перед лицом эпохальных изменений, в том числе с технологической и антропологической точки зрения, при замене старых непоколебимых истин и социальных ориентиров (семья, школа, церковь и т. д.) индивидуальными и непосредственными (не-опосредованными) формами управления важнейшими вопросами жизни отдельного человека и целых народов. И сейчас, в современной политике, стремление к не-опосредованию приводит либо к опережению своего времени, либо к уходу в прошлое без определения надежных и общих социальных моделей. Как напоминает Павел Новгородцев в сборнике *Из глубины*, «вместе с ядом социализма русская интеллигенция в полной мере приняла и отраву народничества. Под этой отравой я разумею свойственную народничеству веру в то, что народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый государственный порядок, чтобы для народа тотчас же оказалось возможным осуществить самые коренные реформы, самую грандиозную работу общественного созидания. Первым апостолом этой

веры был Бакунин с его учением о созидательной силе разрушения. Не замечая анархических корней этой веры, русская интеллигентская мысль ставила своей основной политической задачей принципиальную борьбу с властью, разрушение существующего государственного порядка. Когда в результате этой борьбы старый строй падет, все совершится само собою. Двукратный опыт русской революции показал, что эта народническая вера была чистойшей анархической иллюзией, совершенно ложной теоретически и губительной практически»²⁷. Популистская иллюзия снова широко распространилась, и не случайно, что сам термин «популизм» был придуман в России еще в XIX в. представителями первых революционных движений. Понять это помогают и замечания Вячеслава Иванова, когда он, выступая в защиту русского языка, обрушивается против революционного жаргона: «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом — неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как переключки сообщников»²⁸. Кажется, что великий поэт говорит о популярных дискуссиях в современных *социальных сетях*.

Не идем ли мы к новому апокалипсису в истории? В этом убежден один из лучших современных русских философов Владимир Кантор, который писал об этом во многих своих книгах, опубликованных им в эти годы²⁹. В одном большом эссе, появившемся в интернет-журнале «Гэфтер», он утверждает, что «не случайно тема антихриста была поднята русской религиозно-философской мыслью. Этот вечный образ обладает большой эвристической и объясняющей силой. Именно его указующий перст может осветить неожиданным светом сумятицу повседневности, политических вождей, программ и сухих резолюций... как раз Россия дала первый образ антихриста XX в., как и предсказывал еще в 1891 г. К. Н. Леонтьев»³⁰.

История покажет, правы ли те, кто пророчит беды (а таковых сегодня очень много), или же мы можем разделить финальное предзнаменование о пронизательных дозорных сборника *Из глубины*, выраженное словами Семена Франка: «И, однако, неистребимая, органическая жажда подлинной жизни, жажда воздуха и света заставляет нас судорожно вырываться из удушающей тьмы могилы, влечет очнуться от могильного оцепенения и этого дикого, сонно-мертвого бормотания. Если России суждено еще возродиться, — чудо, в которое, вопреки всему, мы хотим верить, более того, в которое мы обязаны верить, пока мы живы, — то это возрождение может быть теперь лишь подлинным воскресением, восстанием из мертвых с новой душой, к совсем иной, новой жизни. И первым условием этого возрождения должно быть полное, окончательное осознание как всей глубины нашего падения, так и его последних, подлинно-реальных духовных причин, а не только той призрачной, фантастической обстановки и калейдоскопически бессмысленного сцепления отрывочных, событий этого падения, которые окружают нас с того момента, как мы уже потеряли почву под ногами. Подобно утопающему, который еще старается вынырнуть, мы должны отрешиться от головокружительного, одуряющего подводного тумана и заставить себя понять, где мы и как и почему попали в эту бездну. А если даже нам действительно суждено погибнуть, то и тогда дух жизни влечет нас погибнуть не в сонном замирании мысли и воли, а с ясным сознанием, передав векам и народам внятный, предостерегающий голос

погибающего и чистое, глубоко осознанное покаяние. Силою свободной мысли и совести — которых не могут отнять у нас никакие внешние бедствия, никакой гнет и произвол — мы должны возвыситься над текущим мигом; понять и оценить кошмарное настоящее в связи со всем нашим прошлым, в свете не мигающих, блуждающих огоньков болотных испарений, а непреходящих, сверхвременных озарений человеческой и национальной Жизни»³¹.

¹ Fukuyama Fr. *The End of History and the Last Man*. New York, 1992.

² Morris D. *The Naked Ape: a Zoologist's Study of the Human Animal*. London, 1967.

³ Lewis C. S. *The Abolition of Man*. New York, 1943.

⁴ Nietzsche Fr. Also Sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. Chemnitz, 1883–1885.

⁵ Ник Бостром (*Niklas Boström*) — шведский философ, основатель *World Transhumanist Association* в 2006 г., автор таких трудов, как: *Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy* (2002) и *Human Enhancement* (2009).

⁶ Именно это событие, когда 23 февраля 1917 г. женщины Петрограда вышли на улицу, требуя хлеба, которого не хватало из-за военных расходов, положило начало женскому дню 8 марта.

⁷ Из глубины: сборник статей о русской революции. М.; Пг., 1918.

⁸ Патриарх Кирилл назвал революцию 1917 г. «великим преступлением». URL: <https://ria.ru/religion/20170219/1488324263.html> (дата обращения: 05.06.2017).

⁹ Гайда Ф. Об отношениях монархии и Церкви. URL: <http://foma.ru/1917-pochemu-sinodne-vstupilsya-za-tsarya.html> (дата обращения: 05.06.2017).

¹⁰ Среди прочего см.: <https://www.business-gazeta.ru/news/330448> (дата обращения: 05.06.2017).

¹¹ Явлинский Г. Возвращение к Февралю. URL: <https://www.svoboda.org/a/28329308.html> (дата обращения: 05.06.2017).

¹² URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/1029309/2476/Nikolay_-_Dnevnik_imperatora_Nikolaya_II_Tom_II_1905-1917.html (дата обращения: 25.12.2017).

¹³ Исследователи древней славянской истории до сих пор не уверены относительно критериев деления изначального славянского единства. С одной стороны, «Великая Моравия» эвангелизованная Кириллом и Мефодием, была отделена в юго-восточной части, соответствующей изначальнo Первой Болгарской империи, поглощена Византийской империей и эллинизирована с введением кириллицы взамен глаголицы; в северо-западной части она подверглась германизации и латинизации, ускоренной саксонскими миссионерами. Таким образом, речь идет о *Slavia Orthodoxa*, или *graeca*, в отличие от *Slavia latina*, или *catholica*, но можно просто говорить о *Slavia orientalis* и *occidentalis*. Фактически после неудачи кирилло-мефодиевской миссии Киевская Русь берет на себя резюмирующую роль единственного славянского царства, которое останется свидетельством на восточной границе, переплетаясь с царством Литвы и Польши, позднее представлявшим собой «прозападную» часть восточных славян.

¹⁴ Хазагеров Г., Яковлева Е. Владимир Ленин: Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни. Почему пламенные речи большевиков так быстро овладевали массами. URL: <https://rg.ru/2017/07/05/rodina-lenin.html> (дата обращения: 13.07.2017).

¹⁵ Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины / сост. и подготовка текста А. А. Яковлева. М., 1991. С. 328.

¹⁶ Антоний (Храповицкий, 1863–1936) — лидер консервативного крыла Православной церкви. Епископ и профессор в Казани, митрополит Вольнский, в 1905 г. он активный деятель *Союза русского народа*, ассоциации христианской политики, которая вдохновила аналогичное формирование современной России под председательством патриарха Кирилла. Автор одного из самых важных того времени трудов по православному богословию, *Догмата Искупления*, опубликованного именно в 1917 г., он участвовал в работе Собора 1917 г. и имел самое боль-

шое число голосов из тройки кандидатов на должность патриарха, хотя потом в результате жеребьевки выбор пал на Тихона (Белавина), который стал первым патриархом после отмены патриаршества в 1700 г. Во время Гражданской войны он примкнул к белой армии и, как киевский митрополит, предложил даже помазание украинского атамана на царство в независимой Украине. Позднее он стал первым предстоятелем Русской зарубежной церкви, основанной в 1921 г. в Сремских Карловцах в Сербии русскими епископами в изгнании, и возглавлял ее до самой своей смерти в 1936 г. Ему решительно противостоит фигура Сергия (Страгородского, 1867–1944), богослова с наиболее прогрессивными тенденциями. Единственный митрополит, оставшийся на свободе в сталинские годы, он фактически был главой Русской церкви с 1925 г. до своей смерти; в 1927 г. он подписал декларацию о лояльности к советской власти, став, таким образом, символом православного коллаборационизма. В 1943 г. на одной даче, находящейся в распоряжении Сталина, немногие еще оставшиеся на свободе епископы избрали его патриархом по воле самого диктатора, который намеревался использовать церковь для укрепления патриотического духа в борьбе с нацистами. Он скончался на следующий год, а на его место был избран Алексий (Симанский), называвшийся в свою очередь «патриархом Сталина» и возглавлявший патриархию до 1970 г. Обер-прокурор Константин Победоносцев (1827–1907) был самым важным служителем культа царской России, идеологом консервативной политики Александра III, которой руководствуется действующий президент Путин. Он занимал должность попечителя церкви с 1880 по 1905 г., когда он подал в отставку в знак несогласия с государственной открытостью в отношении веротерпимости и с предложениями Собора. Человек высокого морального и интеллектуального уровня, переводчик на русский язык *Подражания Христу* Фомы Кемпийского, он вел жесткую полемику с Львом Толстым и с любыми формами религиозного модернизма, представляясь последним оплотом царской идеологии, основанной на триаде «Самодержавие — Православие — Народность». Он был непреложным ориентиром в дискуссии, в которую были вовлечены авторы сборника *Из глубины*.

¹⁷ Собор открылся 15(28) августа 1917 г. и завершил работу 7(20) сентября 1918 г. Помимо епископов и настоятелей монастырей в нем приняли участие представители из каждой российской епархии (2 клирика и 3 мирянина), в общей сложности 564 чел., 299 из которых были миряне. Избрание нового патриарха должно было стать завершением соборного процесса, но ускорилось из-за большевистского переворота; таким образом, 18 ноября путем жеребьевки был избран Тихон (Белавин, 1865–1925), вошедший в список из трех кандидатов с наименьшим числом голосов. Тихон вначале пытался противостоять антирелигиозной политике нового режима, вдохновляя контрреволюционную позицию, называемую им тихоновщиной; после ареста в 1922 г. он был вынужден уступить и подчиниться новой власти, что открыло путь для Декларации о лояльности Сергия Страгородского, выпущенной вскоре после его смерти.

¹⁸ Последняя попытка была предпринята 20 апреля 2017 г., когда шесть депутатов (3 из партии Путина и 3 из националистической партии Жириновского) представили в Думу новый проект закона о переносе тела отца русской революции с Красной площади. Однако в тот же день путинцы в ответ на последовавшую со всех сторон критику отозвали свои подписи; коммунисты Зюганова обратились к президенту во имя памяти и единства российского народа, и Путин и предпочел очередной раз похоронить эту проблему, несмотря на робкие высказывания патриарха в пользу захоронения диктатора.

¹⁹ *Булгаков С. Н.* На пиру богов... С. 329.

²⁰ Там же. С. 343.

²¹ *Муравьев В. Н.* Рев племени // Вехи. Из глубины... С. 406.

²² Там же.

²³ *Покровский И. А.* Перуново заклъятъе // Вехи. Из глубины... С. 443.

²⁴ *Аскольдов С. А.* Религиозный смысл русской революции // Там же. С. 212.

²⁵ *Изгоев А. С.* Социализм, культура и большевизм // Там же. С. 368.

²⁶ *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Там же. С. 460.

²⁷ *Новгородцев П. И.* О путях и задачах русской интеллигенции // Там же. С. 432.

²⁸ *Иванов Вяч.* Наш язык // Там же. С. 356–357.

²⁹ Упомянем лишь некоторые из многих: *Кантор В. К.*: 1) «Судить Божью тварь». Проро-

ческий пафос Достоевского: очерки. М., 2010; 2) Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса, М., 2008; 3) Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М., 2007; и многие другие очерки и статьи.

³⁰ *Каптор В.* Антихрист, или Вражда к Европе: становление тоталитаризма Россия и антихрист: всечеловечество в одной стране? URL: <http://gefter.ru/archive/22483> (дата обращения: 12.06.2017).

³¹ *Франк С.Л.* De profundis // Вехи. Из глубины. С. 479.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Каприо С. Перманентная революция (размышления о русской революции) // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 1. С. 8–28. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.101> УДК 94(47).084.1

Аннотация: Автор статьи размышляет о русской революции 1917 г. в контексте основных тенденций развития мировой истории в конце XX — XXI в. Конфликт идеологий, недоверие масс к политическим институтам и другие проблемы современного общества в новом «глобализированном» мире актуализируют идею «перманентной революции». Однако эта идея развивается в новых формах, отличных от форм, существовавших в XX в. Рассматривая некоторые современные западные концепции развития и русскую философско-религиозную мысль, автор ставит вопрос об «антропологической катастрофе» и возможности новых апокалипсисов в истории. Именно поэтому в столетнюю годовщину русской революции особое внимание следует обратить на суть происшедших событий. Крушение царизма в конечном счете привело к победе большевизма из-за отсутствия надежных альтернатив. Истинный урок русской революции заключался в бессилии демократии и либеральной идеологии, оказавшейся недостаточной для понимания реальности и лишенной тех моделей, которые можно было бы применить к российской ситуации. Победили популизм и грубая пропаганда против культуры и религии. Интеллигенция потерпела поражение. Новая власть фактически организовалась как «перевернутая религия» отрицания Бога и как «Красная церковь» партии-рулевого. Сегодня возникли новые популистские риторика и религия, характерные для третьего тысячелетия, которые обожествляют уже не партию, а «народ» в раздробленной и виртуальной форме мира информационной революции. «Мистика революции» оживает во втором десятилетии XXI в., и многое из того, что было перспективой сто лет назад, возникает в современной России.

Ключевые слова: Русская революция, 1917 год, перманентная революция, новый апокалипсис, русская историософия, религия.

Сведения об авторе: Каприо С. — проф. русской истории и культуры, Папский восточный институт (Рим, Италия); stefanomcaprio@hotmail.com

FOR CITATION

Caprio S. 'The Permanent Revolution (Thinking about the Russian Revolution)', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018, pp. 8–28. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.101>

Abstract: The author of the article reflects on the Russian revolution of 1917 in the context of the main trends in the development of world history at the end of the 20th and 21st centuries. Conflict of ideologies, distrust of the masses toward political institutions and other problems of modern society in a new "globalized" world make the idea of a "permanent revolution" again urgent. This idea, however, is developing in new forms which are different from those of the 20th century. Considering some modern Western concepts of development and Russian philosophical and religious thought, the author raises the question of "anthropological catastrophe" and the possibility of new apocalypses in history. That is why in the centennial anniversary of the Russian revolution, special attention should be paid to the essence of the events that took place. The collapse of tsarism eventually led to the victory of Bolshevism because of the lack of reliable alternatives. The true lesson of the Russian revolution

was the impotence of democracy and liberal ideology, which proved to be insufficient for understanding reality and lacking those models that could be applied to the Russian situation. Populism and rude propaganda against culture and religion won. The intelligentsia turned out to be the biggest category that was defeated. The new government was actually organized as the “overturned religion” of denying God and as the “Red Church” of the party-helmsman. Today there is a new populist rhetoric and a new religion typical of the third millennium which defies no longer the party, but the “people” in the fragmented and virtual form of the world of the information revolution. “The mysticism of the revolution” has come to life in the second decade of the 21st century, and much of what was as a perspective hundred years ago has arisen in modern Russia.

Keywords: Russian revolution, 1917, permanent revolution, new apocalypse, Russian historiography, religion.

Author: Caprio S. — Professor, Pontificium Institutum Orientalium (Rome, Italy); stefanomcaprio@hotmail.com

References:

Fukuyama Fr. *The End of History and the Last Man* (New York, 1992).

Gayda F. *Ob otnosheniyakh monarkhii i Tserkvi*. — URL: <http://foma.ru/1917-pochemu-sinod-ne-vstupilsya-za-tsarya.html> (Accessed 05.06.2017).

Iz glubiny: sbornik statej o russoj revoljucii (Moscow — Petrograd, 1918).

Kantor V. *Antikhrisť, ili Vrazhda k Yevrope: stanovleniye totalitarizma Rossiya i antikhrisť: vsechelovechestvo v odnoy strane?* — URL: <http://gefter.ru/archive/22483> (Accessed 12.06.2017).

Khazagerov G., Yakovleva Ye. *Vladimir Lenin: Pomen'she intelligentskikh rassuzhdeniy. Poblizhe k zhizni. Pochemu plamennyye rechi bol'shevikov tak bystro ovladevali massami*. — URL: <https://rg.ru/2017/07/05/rodina-lenin.html> (Accessed 13.07.2017).

Lewis C. S. *The Abolition of Man* (N. Y., 1943).

Morris D. *The Naked Ape: A Zoologist's Study of the Human Animal* (London, 1967).

Nietzsche Fr. *Also Sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen* (Chemnitz, 1883–1885).

Vehi. Iz glubiny, Ed. by A. A. Jakovlev (Moscow, 1991).